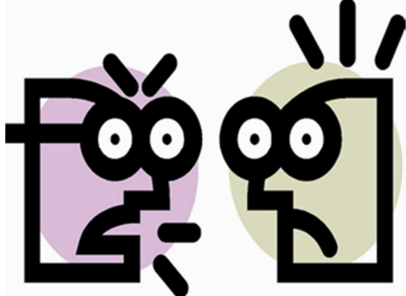

	КРУГЛЫЙ СТОЛ <i>Вызовы глобального мира и перспективы межцивилизационных взаимодействий</i>

Бобр Александр Михайлович, кандидат философских наук, доцент, зам. декана факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.	<i>Социальная революция как форма модернизации социума.</i>

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА

Новиков В. Т., Бобр А. М.
Белорусский государственный университет

В российской политической литературе события Октября 1917 года все чаще называют «переворотом», причем этот термин используют не только политики правооппозиционного толка, но и ученые-политологи. С другой стороны, в публицистической и даже научной лексике широко используются понятия «бархатных», «цветных» и «сетевых» революций. Возникает вопрос: не произошла ли «революция» в лексике самого общественнознания, и не девальвировался ли характерный для марксистской философской традиции смысл данного понятия?

В этой связи обратим внимание на способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу некоторых современных концепций социальной революции.

Это, во-первых, процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX века Т. Мальтуса, который сформулировал закон

убывающего плодородия почвы, из которого следовало, что именно нехватка жизненных благ способна приводить к острым социальным конфликтам. Об актуальности фактора демографического роста свидетельствуют и некоторые современные футурологические прогнозы. В частности, в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» отмечается, что в ближайшие 10-20 лет рост мировой экономики и полутора миллиардный прирост населения могут привести к недостатку ресурсов, а, следовательно, к радикальным изменениям в мире» [1].

Это, во-вторых, нарушения в воспроизводстве элиты. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В. Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обусловливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться революция.

Авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты в Новое и Новейшее время, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. В частности, П. Турчин, изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус и которые, поэтому, стремятся к насильственному переустройству общества. Именно дефицит ресурсов для обеспечения запросов сформировавшейся в арабских странах и стремящейся к власти контрэлиты во многом способствовал инициации ею военных переворотов весной 2011 года.

Это, в-третьих, превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, именно движение широких масс народа порождает экономическую и политическую нестабильность и ведет к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер.

Это, в-четвертых, исчерпание эволюционных возможностей в менталитете общества и, как следствие, вызванные экстремальными ситуациями мутации характерной для общества культурной традиции. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции в России 1917 года, Н.А. Бердяев упоминает диктатуру мирозозерцания. Роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни» [2, с. 101].

Это, в-пятых, кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающий все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели ее осуществления и, в частности, «тупиковая». Она связана с игнорированием причин локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме социальной революции.

Это, в-шестых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает как в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [3, с.7].

На основании сказанного К. Марксом может сложиться впечатление, что для него характерна фаталистическая интерпретация революции. Это не так, поскольку немецкий мыслитель подчеркивал, что в обществе

объективные закономерности всегда проявляют себя через деятельность людей, осознающих свои интересы и ставящих определенные цели.

Очевидно, что, как и в развитии общества в целом, так и в осуществлении революционных изменений объективный и субъективный факторы дополняют друг друга, а социальная революция не является следствием человеческого произвола. Не случайно Г. Гегель говорил об «иронии истории», связанной с составляющей ее субъективный фактор деятельностью людей. Применительно к революции, суть «иронии истории» выразил в письме Вере Засулич Ф. Энгельс: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [4, с. 310].

Применительно к современной истории это означает необходимость видеть за социальными потрясениями интересы *реальных* субъектов исторического процесса, различать в нем статус, как субъектов – творцов истории, так и ее движущих сил. Не менее важно умение отличать объективно существующие возможности от возможностей формальных, продиктованных складывающейся исторической конъюнктурой, не обольщаясь первыми достигнутыми результатами.

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции, касается необходимости более строго различения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции шире понятия политической революции, поскольку предполагает радикальные, затрагивающие основания социального бытия изменения. Это преобразования не только в политическом строе, но и в системе хозяйства, в культуре, – иными словами, во всех основных сферах общественной жизни. В этом смысле интерпретация социальной революции К. Марксом является наиболее убедительной, а те масштабные и глубинные изменения, которые произошли в итоге октябрьских событий 1917 года, имели отчетливо выраженный революционный характер.

Этот же характер носили преобразования, инициированные политикой перестройки, а затем и распадом СССР. Они привели к уничтожению единого народнохозяйственного комплекса страны и радикальному изменению форм собственности (в России, в частности, способствовали появлению олигархического капитала), радикальным пертурбациям в системе государственного управления, политике, образе жизни, межнациональных отношениях, системе ценностных приоритетов,

даже в менталитете общества. Эти изменения носили фронтальный и кардинальный характер, что позволяет говорить о произошедшей социальной революции.

С другой стороны, процессы, которые зачастую именуют социальными революциями, таковыми, по сути, не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 года. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не во многом инспирированные государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе. А они далеко не очевидны ни в Украине, ни в Грузии, ни в Киргизии, ни, тем более, в арабском мире. Так, имевшая большой общественный резонанс «оранжевая революция» в Украине являлась революцией не по существу, а только по имеющему метафорический смысл названию – она не привела не только к каким-либо значимым социально-экономическим изменениям, но существенно не отразилась даже на модернизации политического строя республики. В этой связи показательно, что следующий политический режим – режим правления политических противников «оранжистов», каких-либо «контрреволюционных» мер не предпринимал. Реставрация прежнего, нарушенного «революционерами» политического порядка не потребовалась, поскольку он, по сути, не нарушался.

В заключение отметим, что революции в обществе, поскольку они ведут к радикальным изменениям в обществе и его дестабилизации, для рядового человека всегда – независимо от того, вооруженным или мирным путем они осуществляются, означают серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять качественное преобразование общества в его же интересах.

Литература

1. Эхо планеты. № 42. – 13-19 ноября 2009 года.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13.
4. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. – М., 1951.